

Список литературы

1. Волос А. А. Смарт-контракты и принципы гражданского права // Российская юстиция. – 2018. – № 12. С. 5–7.
2. Горохова С. С. Технологии на основе искусственного интеллекта: перспективы и ответственность в правовом поле // Юрист. – 2021. – № 6. – С. 60–67.
3. Пржиленский В. И. Опыт математизации природы в цифровизации уголовного судопроизводства // Актуальные проблемы российского права. – 2020. – № 6. – С. 125–132.
4. Emelianova T. V. (2021) Affect of Artificial Intelligence Technologies and Digitalisation on Jurisprudence and Education. In: Dingli A., Haddod F., Klüver C. (eds) Artificial Intelligence in Industry 4.0. Studies in Computational Intelligence, vol 928. Springer, Cham. https://doi.org/10.1007/978-3-030-61045-6_12
5. Hermans T., Cools M. & Van den Abbeele A. The role of information accuracy and justification in bonus allocations. J Manag Control (2021). <https://doi.org/10.1007/s00187-020-00312-1>

С. А. Паламарчук,

старший преподаватель кафедры гуманитарных
и социально-экономических дисциплин,
Ростовский филиал Российского
государственного университета правосудия

СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ВНЕДРЕНИЯ СИСТЕМЫ СОЦИАЛЬНОГО КРЕДИТА В РОССИИ И КИТАЕ: ПОСТРОЕНИЕ ОБЩЕСТВА СПРАВЕДЛИВОСТИ ИЛИ УГРОЗА КОНСТИТУЦИОННОМУ ПРАВУ НА НЕПРИКОСНОВЕННОСТЬ ЧАСТНОЙ ЖИЗНИ

Аннотация. Целью статьи является исследование возможных перспектив введения системы социального кредита (Social Credit System) в Российской Федерации. В статье проанализирован аналогичный опыт в Китайской Народной Республике. В коммуникационной среде IT-специалистов, исследователей конституционно-правовой науки и граждан нашей страны часто можно услышать мнение, что огульная, лавинообразная, стремительная цифровизация всех сфер общественной жизни и особенно таких важных для государства, как сферы здравоохранения и образования, приведет к тотальному контролю общества со стороны государства, инструментом которого, в частности, выступит система социального кредита. В статье методом сравнительного анализа китайского опыта и начальных попыток внедрения этой системы в России предпринята попытка дать аргументированный ответ на эти опасения. Дополнительно учитывается влияние уже существующих в Российской Федерации систем искусственного интеллекта, обрабатывающих персональные данные.

Ключевые слова: право, цифровизация, система социального кредита, конституционные права, персональные данные, искусственный интеллект, рейтинг, доверие

COMPARATIVE ANALYSIS OF THE IMPLEMENTATION OF THE SOCIAL CREDIT SYSTEM IN RUSSIA AND CHINA: BUILDING A SOCIETY OF JUSTICE OR A THREAT TO THE CONSTITUTIONAL RIGHT TO PRIVACY

Abstract. The paper deals with studying the possible prospects for the introduction of a social credit system in the Russian Federation. The article analyzes a similar experience in the People's Republic of China. In the communication environment of IT specialists, researchers of constitutional and legal science and citizens of our country, one can often hear the opinion that the indiscriminate, avalanche-like, rapid digitalization of all spheres of public life and, especially, such important for the state as health and education, will lead to total control of society by the state, the instrument of which, in particular, the social credit system will act. The article uses the method of comparative analysis of the Chinese experience and initial attempts to introduce this system in Russia to attempt to give a reasoned answer to these concerns. Additionally, the influence of artificial intelligence systems already existing in the Russian Federation that process personal data is taken into account.

Keywords: Law, Digitalization, Social credit system, Constitutional rights, Personal data, Artificial intelligence, Rating, Trust

Введение. Проблема цифровизации современного общества сегодня вышла на первый план. Совершенно очевидно, что объем информации, обрушивающийся в наше время на человека всего за один год, сравним с объемом информации, обрабатываемым и усваиваемым человеком в эпоху Средневековья примерно за половину жизни. С биологической же точки зрения человек изменился крайне незначительно, что приводит к тому, что современному гражданину все труднее и физически, и психически выдерживать бесконечный поток информации XXI в. Поэтому в обществе возникает страх потеряться в огромном цифровом мире, утратить свою значимость, свободу, неотъемлемые конституционные права во множестве информационных потоков, сервисов, площадок. Этот страх является причиной для поиска точки опоры в информационной сфере, для призывов ограничить, стабилизировать источники информации, ввести цензуру и сохранить личную информацию.

С другой стороны, значительная «виртуализация» конституционных прав человека, методов судебной защиты нарушенных прав, получение электронных государственных услуг с очевидностью приводят нас к выводу о том, что современный человек сможет в полной мере реализовать свои конституционные права и избежать печальной судьбы «объекта манипулирования» в цифровом пространстве – только если сможет ориентироваться как в современных правовых реалиях, так и в их проекциях в виртуальное пространство.

Основная часть. Следует подчеркнуть, что к 2022 г. информационные технологии проникли практически во все сферы жизни общества и государства. Выполняются цели, сформулированные в федеральных целевых государственных программах, например, национальная программа «Цифровая экономика Российской Федерации» утвержденная протоколом заседания президиума Совета при Президенте Российской Федерации по стратегическому развитию и нацио-

нальным проектам от 4 июня 2019 г. № 7 (в том числе и в области внедрения искусственного интеллекта в механизм государственного управления, о чем не раз говорил Президент России).

17 августа 2022 г. заместитель председателя правительства Российской Федерации по вопросам цифровой экономики и инновациям Дмитрий Чернышенко отметил, что поручение Президента РФ выполняется и показатель внедрения систем искусственного интеллекта в отдельные отрасли уже достиг 20 %, а в перспективе (к 2024 г.) должен достичь 50 % [8].

Такие значительные успехи использования искусственного интеллекта вызывают дискуссии по поводу возможного использования в Российской Федерации системы социального кредитования. Подобная система успешно внедряется в Китайской Народной Республике с 2007 г. («Система социального кредита (доверия)» (шэхуй синьйон тиси / 社会信用体系) [4. С. 74].

Смысл подобной системы состоит в присвоении каждому гражданину персонального рейтинга (числа) в зависимости от того, какие поступки он совершает: общественно полезные или преступные. Соответственно, к гражданам с низким социальным рейтингом применяются различные санкции, ограничивающие или даже блокирующие их конституционные права, например, гражданин с низким социальным рейтингом не может купить билет на поезд или самолет (ограничение права на свободу передвижения), не может курить билет в кино на желаемый сеанс, ему может быть отказано в праве на образование в престижном учебном заведении, в выдаче кредита в банке (кстати, система кредитных банковских историй как раз и заложила основу для системы социального рейтинга). Наконец, наиболее серьезное ограничение – лишение возможности занимать высокооплачиваемые должности на государственной службе и вообще полный запрет на нахождение на государственной службе в принципе (напоминает вид санкции Уголовного кодекса Российской Федерации, когда налагается запрет занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью (ст. 47 УК РФ)). Однако санкция в соответствии с УК РФ применяется только судьей после соответствующего судебного разбирательства, а в Китае для этого достаточно просто значения рейтинга, фактически числа.

Мы попытаемся оценить плюсы и минусы введения социального рейтинга, исследуя различные аргументы его сторонников и противников.

Сразу хочется отметить, что в самом Китае система социального кредитования хотя и не приобрела масштаб, охватывающий все территории Китая, но как пилотный социолого-политический проект активно внедряется на местах уже с 2014 г., т.е. уже более 8 лет. Учитывая различные точки зрения как зарубежных, так и китайских ученых, отметим, что в социологическом плане проводился опрос самих жителей Китая. Оказалось, что порядка 80 % населения страны (а это 1,2 млрд человек) поддерживают систему социального кредита и убеждены в ее справедливости [10. Р. 1565–1596]. Более того, в провинции Жунчэн, где система реально работает уже более 5 лет, наблюдается снижение споров и налоговых конфликтов на 23 %, а удовлетворенность населения составила величину более 96 % [11. Р. 72–81].

Одним из аргументов противников системы социального кредита состоит в том, что оценивать людей негуманно, люди пугаются низких оценок и почему-то особенно ужасным видится факт оценки гражданина со стороны такого субъекта, как государство. Здесь хотелось бы возразить тем, что с самого рождения в современном обществе человек так или иначе оценивается, причем как на бытовом, так и на общественном и государственном уровнях: школьники получают оценки в школе, студенты получают оценки в высших учебных заведениях, существуют ключевые показатели эффективности (Key performance indicators), которые применяются для мотивации и стимулирования сотрудников в бизнес-проектах, в трудовой деятельности применяется система поощрений в виде почетных грамот, благодарностей, выговоров, присуждения государственных наград, награждение медалями и т.д. Следовательно, мы видим, что вся жизнь современного человека пронизана теми или иными оценками его деятельности и поведения (причем уже довольно давно). Можно предположить, что противники систематизации и обобщения этих оценок в цифровой форме опасаются, что привыкшие нарушать закон «по пустякам» (а в некоторых социальных группах мелкие кражи, обман более доверчивых граждан и т.д. не только не порицаются, а выступают своеобразным предметом гордости) получат сильное снижение рейтинга и существенное ограничение в правах [6].

Единственной оговоркой, которую здесь можно сделать: в описанных нами примерах происходит оценка человека человеком и в случае ошибок, которые неизбежны в тех или иных процессах, предусмотрена возможность апелляции – исправления несправедливо выставленной оценки.

Совершенно иное дело, если единственным субъектом оценивания выступит искусственный интеллект либо нейронные сети. В этом случае о фактах оценивая и изменения баллов или рейтингов не будет знать никто, кроме информационной системы (для этого сегодня уже разработан целый спектр инструментов: в том же Китае применяется огромное количество видеокамер с возможностью распознавания лиц, а в некоторых случаях даже температуры тела гражданина). По некоторым оценкам к концу 2022 г. количество камер в Китае превысит 250 000 000 штук. Кстати, во время пандемии новой коронавирусной инфекции как раз в Китае предлагалось на основе данных датчиков тепловизоров задерживать и направлять в медицинские учреждения граждан, имеющих повышенную температуру тела.

Вероятность апелляции на решение искусственного интеллекта пока не очень проработана, и, самое главное, даже в случае ее осуществления она займет продолжительное время, как и любая известная на сегодняшний день апелляция, в то время как ограничения и запреты на основе решения искусственного интеллекта налагаются мгновенно, и вот уже гражданин, идущий с хорошим настроением на работу с удивлением обнаруживает, что он, например, не может снять деньги с карты, его не пускают в транспорт и т.д. Например, уже известен случай, к счастью, пока только в банковской сфере, когда на основе анализа кредитных историй жителей района системами искусственного интеллекта высчитывался «общий кредитный рейтинг района», на основании которого ко всем жителям этого района без учета индивидуальных обстоятельств применялась единая банковская кредитная политика с условиями и предложениями, зависящими от рейтинга

целого района [9. Р. 44]. Более того, более массовая практика анализа кредитных историй показывает, что при отказе гражданину в получении кредита со стороны кредитной организации решение принимает вовсе не человек (менеджер, топ-менеджер), а искусственный интеллект, затрачивая на это менее одной секунды времени и к тому же внося факт отказа в глобальную кредитную историю клиента по всем банкам, подключенным к ней. Для такого отказа не предусмотрено процедуры апелляции, и получить кредит можно только лишь обратившись в другой банк, который уже будет ориентироваться на испорченную кредитную историю, что, конечно, существенно снижает вероятность нового одобрения.

Таким образом, видится совершенно необходимым предусмотреть механизмы контроля за решениями искусственного интеллекта, в которых решающее слово нужно оставить все-таки за контролером-человеком. В противном случае, как бы странно это ни звучало, но гражданин может оказаться в ситуации, описанной в романе-антиутопии Сергея Лукьяненко «Черновик», когда все его цифровые документы удалены, его никто не помнит, а те, кто помнит, очень быстро забывают. Тем, кто посчитает такую ситуацию совершенно невозможной или же возможной в очень отдаленном будущем, напомним, что еще недавно вопросы искусственного интеллекта поднимались лишь на страницах научно-фантастических романов, а сегодня утверждена Национальная стратегия развития искусственного интеллекта на период до 2030 г. [5].

Подтверждение сформулированному тезису находим в исследовании профессора кафедры государственно-правовых дисциплин Высшей школы правоведения Института государственной службы и управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, профессора, д.ю.н. М.А. Липчанской, которая аргументированно доказывает, ссылаясь на ст. 2 Конституции РФ, что именно человек, а не искусственный интеллект или искусственный разум признается в Российской Федерации высшей ценностью, и за человеком остается полное право обжаловать в судебном порядке решения государственных органов, органов местного самоуправления, должностных лиц и любых иных субъектов, которые своими действиями неправомерно ограничивают его конституционные права и свободы [2. С. 83].

Российские эксперты по развитию и внедрению информационных технологий справедливо отмечают, что «введение социального рейтинга в любых видах ведет к дискриминации граждан в зависимости от уровня их рейтингов. Фактически социальное рейтингование – это отказ от конституционного принципа равенства прав и обязанностей граждан (установленного ч. 2 ст. 6 и ст. 19 Конституции РФ)» [6].

Низкий социальный рейтинг, присвоенный гражданину, напрямую будет нарушать те или иные положения Конституции РФ, защищающие его конституционные права.

Разделяя справедливость утверждений уважаемых экспертов, укажем тем не менее, что приводимые аргументы не смущают граждан Китая. Такая терпимость к введению социального рейтинга, на наш взгляд, объясняется высоким уровнем доверия населения Китая своему государству [13]. Это положение сложилось по

двум причинам: первая – высшее руководство Китая по крайней мере задекларировало и по возможности постаралось следовать принципу, согласно которому государство Китая крайне серьезно оценивает глобальные вызовы XXI в. и перед их лицом оказывает всемерную поддержку каждому гражданину и не бросает его в случае трудностей; вторая – введение системы социального кредита аккуратно легло на почву уже давно существующих инструментов контроля и поддержки государства, и эта система даже не воспринимается гражданами как какая-то «особенная» или «исключительная».

Эта точка зрения находит свое подтверждение и в материалах статистических исследований, проводимых методом социологических опросов, согласно которым более 50 % китайских граждан испытывают доверие к государственным органам и коммерческим организациям по вопросу того, как они используют персональные данные [4. С. 74]. При этом, конечно, нужно избегать крайностей в понимании системы социального кредитования. Не следует сводить ее всего лишь к чуть усложненной системе формирования банковских кредитных историй, но не следует также абсолютизировать и демонизировать ее, сравнивая с демиургом тотальной слежки по Дж. Оруэллу.

Совершенно иная ситуация (это представляется очевидным, но к тому же также подтверждается данными статистики) складывается с уровнем доверия гражданам государству в Российской Федерации. Так, порядка 60 процентов граждан России признали, что не доверяют работу со своими персональными данными государству и тем более частным компаниям.

С другой стороны, опрошенные респонденты в России горячо поддержали идею опубликования так называемых «черных списков» в отношении преступников, лиц, не исполняющих обязательства по договорам, злостным неплательщикам алиментов и т.д. (за это высказались чуть более 65% опрошенных). Здесь, можем предположить, такой результат в некоторой степени может быть обусловлен особенностями национального менталитета (ведь каждый уверен на 100 %, что в подобном списке никогда не окажется).

Поэтому можно сделать вывод о взаимосвязи уровня доверия в обществе и возможности введения системы социального кредита – чем оно будет выше, тем легче будет перейти на эту систему. Еще раз подчеркнем, что подобная система действительно не является какой-то особенной. Те или иные рейтинги сегодня активно применяются как для физических, так и для юридических лиц. Так, например, пользователи, ведущие активную деятельность по покупке товаров в электронных интернет-магазинах, даже не станут рассматривать товар, имеющий низкий рейтинг от пользователей либо на который написаны отрицательные отзывы, что выражается в конкретном снижении прибыли для магазина.

Вообще любое юридическое лицо, имеющее собственный сайт в сети «Интернет», может выступить объектом для оценивания. Это ярко прослеживается сегодня на страницах сайтов высших учебных заведений: каждый сайт крупного учебного заведения предоставляет открытую возможность посетителям как выставлять оценки вузу, так и писать развернутые текстовые отзывы о работе вуза или условиях обучения в нем.

Закключение. Итак, проведя анализ введения системы социального кредита в России и Китае, приходим к следующим выводам.

1. В Китае пилотные проекты введения системы социального кредита оправдали себя и с успехом работают во многих провинциях. Такой эффект обусловлен высоким уровнем доверия населения Китая государству и общим менталитетом китайского народа. Попытки слепо скопировать этот опыт в российских политико-правовых условиях могут оказаться негативными как раз по обозначенным причинам – достаточно низким уровнем доверия населения в России государству, и особенно бизнес-сообществу, и опасностями усиления коррупционной составляющей в борьбе субъектов за «лучший» рейтинг.

2. Опросы граждан Китая показывают их удовлетворенность назначением им социального рейтинга за счет автоматической обработки их персональных данных, однако поспешные решения в этом направлении в Российской Федерации могут грубо нарушить конституционное право граждан на неприкосновенность частной жизни. Как справедливо указывает судья Конституционного суда РФ, д.ю.н., профессор Н. С. Бондарь, «информация, защита которой обеспечивается в рамках конституционного права на неприкосновенность частной жизни, охватывает все персональные данные» [1. С. 25–42]. Безусловное внедрение систем искусственного интеллекта может лишить граждан полноценного права управления своими персональными данными и создать угрозу манипулирования и иных злоупотреблений со стороны третьих лиц, включая коммерческие структуры.

3. Учитывая принятые государственные программы по внедрению искусственного интеллекта, совершенно очевидно, что прогресс не остановить и он будет охватывать все большее количество сторон общественной жизни. Но можно пересмотреть концепцию контроля за результатами наблюдений систем искусственного интеллекта, оставив решающее слово за человеком-экспертом.

4. Наиболее уязвимой категорией информации в третьей декаде XXI в. становятся персональные данные граждан. Поэтому нужно предусмотреть как дополнительные поправки в ФЗ «О персональных данных», повышающие их защиту, так и усилить возможности контроля за персональными данными со стороны самих пользователей (по крайней мере, не принуждать их предоставлять информацию о себе тогда, когда без этого можно обойтись).

Список литературы

1. Бондарь Н. С. Информационно-цифровое пространство в конституционном измерении: из практики Конституционного Суда Российской Федерации // Журнал российского права. 2019. № 11. С. 25–42.
2. Липчанская М. А., Заметина Т. В. Социальные права граждан в условиях использования искусственного интеллекта: правовые основы и пробелы законодательного регулирования в России // Журнал российского права. 2020. № 11. С. 78–96.
3. О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации (вместе с «Национальной стратегией развития искусственного интеллекта на период до 2030 года»): Указ Президента РФ от 10.10.2019 № 490. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_335184/ (дата обращения: 25.08.2022).

4. Рувинский Р. З., Рувинская Е. А., Комарова Т. Д. Общественное восприятие практик цифрового профилирования и социального рейтингования: ситуация в России и Китае // Социодинамика. 2021. № 12. С. 56–76.
5. Рувинский Р. З., Тарасов А. А. Система социального кредита: исторические предпосылки и доктринальные основания феномена / Р. З. Рувинский, А. А. Тарасов // Национальная безопасность / nota bene. № 3. – С. 72–88.
6. Цифровая трансформация и защита прав граждан в цифровом пространстве: Доклад Совета при Президенте Российской Федерации по развитию гражданского общества и правам человека (декабрь 2021 г.). URL: president-sovet.ru/docs/doclad_SPCh.docx (дата обращения: 25.08.2022).
7. Цифровизация общества и система социального кредита: проблемы, перспективы: монография / колл. авт.; науч. ред. И. А. Ветренко. – СПб.: ИПЦ СЗИУ РАНХиГС, 2022. С. 188.
8. Чернышенко рассказал о темпах внедрения искусственного интеллекта в России. URL: <https://iz.ru/1380790/2022-08-17/chernyshenko-rasskazal-o-tempakh-vnedreniia-iskusstvennogo-intellekta-v-rossii/> (дата обращения: 25.08.2022).
9. Dixon P., Gellman R. The Scoring of America: How Secret Consumer Scores Threat Your Privacy and Your Future. World Privacy Forum (2 April 2014). URL: www.pogowasright.org/the-scoring-of-america-how-secret-consumer-scores-threaten-your-privacy-and-your-future/ (дата обращения: 25.08.2022).
10. Kostka G. China's social credit systems and public opinion: Explaining high levels of approval // New Media & Society. 2019. № 21(7). – Pp. 1565–1593.
11. Lee J. W. Your life is number // Psychology today. 2019. № 7–8. – Pp. 72–81.
12. Liang F., Das V., Kostyuk N., Hussain M. M. Constructing a Data-Driven Society: China's Social Credit System as a State Surveillance Infrastructure // Policy & Internet. 2018. № 4(10). – Pp. 415–453.
13. Yu Z. China turns televisions and mobile phones in villages into surveillance terminals // Global Times. 27.06.2018. URL: <https://www.globaltimes.cn/content/1108589.shtml> (дата обращения: 25.08.2022).

К. М. Паронян,

кандидат юридических наук, доцент,

Таганрогский институт (филиал) имени А. П. Чехова Ростовского
государственного экономического университета

МЕХАНИЗМ РЕАЛИЗАЦИИ ЦИФРОВОГО СУБЪЕКТИВНОГО ПРАВА НА ЗАБВЕНИЕ (МЕЖДУНАРОДНЫЙ И ОТЕЧЕСТВЕННЫЙ ОПЫТ)

Аннотация. Целью статьи является исследование особенностей механизма реализации такого важного субъективного цифрового права, как право на забвение сквозь призму зарубежной правовой доктрины и правоприменительной практики, а также российского опыта. С помощью общенаучных методов, а также с использованием сравнительно-правового подхода автор исследует механизм реализации права на забвение в России в сравнении с западными аналогами и формулирует